

«ГЛУПАЯ ЛУНА»: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ ГАЛЛИЦИЗМАХ В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»

Речь Онегина, вернее, особенности его идиолекта, становятся предметом открытого обсуждения, по крайней мере, единожды, когда во второй главе «общий глас» осуждает «фармазона» за то, что он «не скажет *да-с* / *Иль нет-с*» (V, 13—14). По замечанию Ю.М. Лотмана, такая «резкость обращения, демонстративный отказ от условностей» отличали людей круга Союза Благоденствия — или тех, кто копировал их манеры¹. Аналогичное пренебрежение условностями мы, по видимому, встречаем и в третьей главе, где в прямой речи героя несколько раз повторяется одна и та же характеристика: «глупые места» (IV, 10), «эта глупая луна / На этом глупом небосклоне» (V, 11—12). В.В. Набоков в своем комментарии указал на внутреннюю переключку между «глупыми местами» и «простотой» Лариной, а также привлек внимание к черновому варианту: «Как ваша глупая луна / На вашем глупом небосклоне», подчеркивавшему конвенционально-поэтическую природу сравнения². Однако сама по себе эта речевая аффектация его не заинтересовала, хотя, если согласиться с предложенной в седьмой главе романа интерпретацией героя как своеобразного «лексикона» («слов модных полный лексикон» [XXIV, 13]; черновой вариант: «Он тень, карманный лексикон»³), ее роль значима. В рамках этой концепции позволю себе несколько предположений о происхождении онегинского речевого тика.

Начнем с «глупой луны», поскольку она находится в ударной позиции и, как мне представляется, дает ключ к пониманию прочих конструкций. В системе традиционных ассоциаций, будь они литературными или фольклорными, луна обычно не связывается с глупостью, если не рассматривать последнее как разновидность безумия⁴. Одно из немногих релевантных для нас исключений составляет французская поговорка «*bête comme la lune*» (буквально: «глуп(а), как луна»), сохранившаяся в современном языке в более грубом вариан-

¹ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 181.

² Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб., 1998. С. 290—292.

³ Цит. по: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 320.

⁴ См.: Неклюдов С.Ю. Путешествие на Луну: от Мениппа до Незнайки // Язык. Стих. Поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 442—460.

те «*son comme la lune*» и обозначающая крайнюю тупость. Факт ее существования в народной культуре фиксировал в начале XX века Поль Себийо⁵, который в свой черед ссылался на работу о валлонском фольклоре Эжена Монсе (1892). По свидетельству последнего, луна среди валлонов чаще всего именуется «*li Bété*» («красавица»)⁶: можно предположить, что эта или аналогичная вариация произношения слова «*la Beauté*» могла способствовать отождествлению луны с глупостью⁷. Заметим, что в то же время собиратели констатировали присутствие этой поговорки и у гасконцев⁸.

Если обратиться к литературным текстам, то наиболее важный для нас — и не только с хронологической точки зрения — пример употребления выражения «*bête comme la lune*» обнаруживается в «Альманахе муз Лиона и департамента Роны» за 1810 год. В нем была опубликована песня «Луна» местного поэта Жана-Антуана-Мари Монперлье (1788—1819), находившегося под сильным влиянием Беранже. Песня обыгрывает несколько устойчивых словосочетаний, в которых фигурирует луна («*clair de la lune*», «*tomber de la lune*», «*quartiers de la lune*») и завершается куплетом:

Joyeux disciples de Bacchus,
O vous, dont la fertile veine
Soutient l'empire de Momus,
Fondé chez le traiteur Baleine;
Vous allez répéter en chœur:
«Cette chanson est bien commune»
Ah! pardonnez à son auteur
D'être bête comme la lune⁹.

[Беззаботные ученики Бахуса,
О вы, на чьем плодovitом вдохновении
Держится царство Момуса,

⁵ *Sébillot P.* Le Folk-Lore de la France. T. I: Le Ciel et la terre. Paris: E. Guilmoto, 1904. P. 39.

⁶ *Monseur E.* Le Folklore wallon. Bruxelles: C. Rozez, [1892]. P. 59.

⁷ Себийо отмечает, что наименование луны «*la Belle*» («красавица») распространено практически по всей Франции (*Sébillot P.* Le Folk-Lore de la France. T. I. P. 39). Учитывая наличие ассоциации между «красавицей» и «зверем» («*La Belle et la Bête*»), их взаимозаменяемость не представляется невозможной. Конечно, для нас более важен смысловой сдвиг от «зверя» («животного») к «глупости», о котором речь ниже.

⁸ *Dardy L.* Anthologie populaire de l'Albret (sud-ouest de l'Agenais ou Gascogne landaise). T. I: Introduction. Poésies gasconnes (chants et chansons populaires, proverbes, devinettes, propos, petites prières). Agen: J. Michel et Médan, 1891. P. 317.

⁹ *Almanach des muses de Lyon et du département du Rhône.* Lyon: Chambet, 1810. P. 155.

Основанное у ресторатора Балена¹⁰,
 Вы начинаете хором повторять:
 «Эта песня весьма заурядна».
 Простите ее автору,
 Что он глуп, как луна.]

Необходимо пояснить, что речь тут идет не об абстрактных слушателях, а о конкретном собрании любителей застольной песни (т.н. «gouquette»). По свидетельству историков, в 1810 году в Лионе действительно было создано общество такого типа, аттестовавшееся «эпикурейским», в которое входил и Монперлье¹¹. Иначе говоря, «Луна» изначально предназначалась для живого исполнения в кругу собратьев-эпикурейцев и в случае успеха могла разойтись по городу без посредства типографии. Однако, как мы видим, поэт полагал, что его сочинение покажется аудитории слишком заурядным («*commune*»). Эта характеристика отсылает, с одной стороны, к банальности выбранной тематики («*Ma muse va chanter la lune*» [Моя муза будет петь луну]¹²), а с другой — к стилистическим особенностям стихотворения. Обыгрываемые Монперлье идиомы в большинстве своем принадлежали к повседневному, нелитературному языку (т.н. «*langue commune*»). В этом контексте поговорка «*bête comme la lune*» приобретает дополнительный оттенок, где луна выступает как синоним тривиальности — что, собственно, мы наблюдаем и в «Онегине».

Случай Монперлье тем более примечателен, что выражение «*bête comme la lune*» остается вне рамок литературного языка вплоть до 1860-х годов, то есть до появления прозаических текстов, ориентированных на передачу живой (и, зачастую, простонародной) речи. Его не фиксируют толковые словари, хотя, как мы убедимся ниже, факт его существования не подлежит сомнению. По-видимому, вполне закономерно, что одно из первых его появлений в печати связано с так называемой «окситанской школой»¹³. В романе Фердинанда Фабра «Курбезоны» (1861) оно фигурирует в гневной тираде деревенской жительницы:

Depuis que cette fille te trotte dans la cervelle, tu ne doutes de rien, et tu vas de l'avant les yeux bandés; tu es devenu bête comme la lune!¹⁴

¹⁰ О нем см.: *Гримо де Ла Реньер* А. Альманах Гурманов / Пер. с франц., вступ. статья, примеч. В.А. Мильчиной. М.: НЛО, 2011. С. 213, 228, 320.

¹¹ *Droux* G. La Chanson lyonnaise, histoire de la chanson à Lyon, les sociétés chansonniers. Lyon: A. Rey, 1907. P. 79 (и далее).

¹² *Almanach des muses de Lyon*. P. 153.

¹³ *Donovan* J. European Local-Color Literature: National Tales, Dorfgeschichten, Romans Champêtres. New York: Continuum, 2010. P. 164—165.

¹⁴ *Revue contemporaine*. Deuxième série. T. XXI. Paris, 1861. P. 450

[С тех пор как эта девица кружит тебе голову, ты ни о чем не подзреваешь, идешь вперед с завязанными глазами и стал глуп, как луна!]

Отметим аккумуляцию идиоматических выражений: этот признак устности присутствует практически во всех известных нам примерах употребления поговорки. В редуцированном виде его можно наблюдать уже у Монперлье, а наиболее отчетливо он проявляется, к примеру, в новелле Каролуса Брио «Последняя выходка Буамениля» (1882):

C'est bête comme la lune, vieux comme le Pont-Neuf, fantastique comme un conte d'Hoffman et c'est vrai pourtant¹⁵.

[Это глупо, как луна, старо, как Новый мост, фантастично, как сказка Гофмана, и тем не менее — правда.]

Временная дистанция, отделяющая песню Монперлье от новеллы Брио, свидетельствует об устойчивости речевой инерции такого рода, когда для передачи относительно простого сообщения используется несколько параллельных или просто тавтологических конструкций (ср. с онегинским повтором «глупые / глупая / глупое»). Кроме того, от Монперлье к Фабру, а затем к Брио, мы видим, что поговорка «bête comme la lune» отчасти меняет свой смысл. Если в первом и последнем случае она указывает на банальность того или иного явления, то у Фабра речь идет действительно о глупости, то есть прямом значении выражения. Это семантическое колебание, по-видимому, имеет не столько хронологическую, сколько стилистическую природу. Рассмотрим еще один пример, практически совпадающий по времени с «Курбезонами». В рассказе Мартена де Ливоньера «Отто Гартнер» (1862) героиня, девушка образованная и состоятельная, разглядывая альбом с видами Савойи, замечает:

Croiriez-vous <...> que Gustave trouve tout ça bête comme la lune, suivant son mot?¹⁶

[Поверите ли <...> что Гюстав находит все это глупым, как луна, по его собственным словам?]

¹⁵ *Brio C. À huit clos*. Paris: E. Rouveyre et G. Blond, 1882. P. 132—133. Ср. с аналогичным рядом из повести Зенаиды Флеро «Дурнушка» (1862): «j'ai, moi, un grand cousin, un anglais, haute comme la colonne Vandôme, bête comme la lune, roux comme s'il avait passé par le feu» [у меня есть дальний кузен, англичанин, долговязый, как Вандомская колонна, глупый, как луна, и рыжий, как будто прошел через огонь]. *Fleuriot Z. Sans beauté*. Paris: C. Dillet, 1862. P. 160.

¹⁶ Le correspondant: recueil périodique: religion, philosophie, politiques, sciences, littérature, beaux-arts. T. LVIII. Paris: Ch. Douniol, 1862. P. 755.

В этой реплике угадывается уже отмеченная нами связь между «красотой» и «глупостью», которая тут получает семантическое наполнение: горные пейзажи конвенционально красивы, а потому пошлы. Но, что более существенно, интересующая нас идиома подается как фрагмент чужой речи. Упомянутый Гюстав принадлежит к тому же социальному слою, что и героиня, и имеет репутацию умного человека, то есть использование им сугубого коллоквиализма — очевидная аффектация. Опять-таки, аналогичное столкновение разных стилистических регистров было уже у Монперлье («Моя муза будет петь луну» — поэт «глуп, как луна»), но там оно воспринималось как бурлескный прием. Мартен де Ливоньер же фиксирует особенность идиолекта своего персонажа, которая, если исходить из контекста, имеет не столько личный, сколько общекультурный характер. Гюстав явно воспроизводит уже устаревшую (с точки зрения главного героя, от лица которого ведется повествование) модель языкового поведения, где грубость обозначает ум, хотя выказываемое им пренебрежение к «красоте» давно стало не менее конвенционально, нежели восхищение ею.

Итак, выражение «*bête comme la lune*» существовало на всем протяжении XIX столетия и, насколько мы могли убедиться, не было исключительной принадлежностью какой-либо местности или социальной среды. Когда в 1893 году один из читателей журнала «Посредник исследователей и любознательных» задал вопрос о его происхождении, то получил показательный ответ от просвещенного старожилы: «мне через несколько дней будет 96 лет, и сколько живу на свете, столько его и слышу»¹⁷. Однако в письмах других корреспондентов указывались конкретные ареалы распространения: Нижняя Луара, провинции Орлеане и Шартрен. Эта информация соответствует тем данным, которые можно извлечь из литературных текстов. Если взять некоторые из приведенных нами примеров, то «Каролус Брио» — псевдоним адвоката и журналиста Шарля-Мари Брийо де Ложардьера — был родом из Нанта (Нижняя Луара). Примерно из тех же мест был и Мартен де Ливоньер, который, судя по отзывам современных ему критиков, сохранял тесные связи со своей провинцией, Анжу (опять-таки Нижняя Луара)¹⁸. Кроме того, как мы убедились, идиома имела хождение в южных провинциях — Гаскони, Лангедоке

¹⁷ L'Intermédiaire des chercheurs et curieux: Notes and queries français: questions et réponses, communications diverses à l'usage de tous, littérateurs et gens du monde, artistes, bibliophiles, archéologues, généalogistes, etc. T. XXVIII, № 637. Paris, 1893. P. 622.

¹⁸ См., в частности, рецензию на «Отто Гартнера»: Revue de Bretagne, de Vendée & d'Anjou. Deuxième série. T. IV. Nantes, 1863. P. 70—71; а также заметку о самом авторе: Soland A. de. Bulletin historique et monumental de l'Anjou: 1864, 1865, 1866. Angers: E. Barassé, 1866. P.101 (примеч.).

(родина Фабра), на юго-востоке (Лион и долина Роны), и на северо-восточной границе Франции (Валлония). Иначе говоря, она имела не только устный, но и региональный характер. Этим дополнительно объясняется ее относительно малое присутствие в литературных текстах, в значительной степени ориентированных на языковые нормы Парижа и Иль-де-Франс.

Попробуем ответить на вопрос, поставленный читателем «Посредника исследователей и любознательных», поскольку он имеет непосредственное отношение к проблеме лексикона Онегина. Нет сомнения, что появление поговорки «*bête comme la lune*» восходит как минимум к XVIII столетию. Весомым доводом в пользу такой гипотезы служит употребление слова «*bête*» в качестве прилагательного / наречия. Словари фиксируют его во второй половине века: одним из первых это делает аббат Феро в своем «Критическом словаре французского языка» (1787), попутно именуя подобный узус «жеманным современным стилем» [*le style précieux moderne*]. В качестве примера он приводит цитату из госпожи де Жанлис: «*C'est une folie bien bête*» [Это весьма глупое безрассудство]¹⁹. Она заимствована из нравоучительной пьесы «Добрая мать», напечатанной в 1780 году во втором томе «Театра для молодых особ» (позднее переименованного в «Воспитательный театр»), где юная героиня, Генриетта, объясняет свое понимание сути кокетства: «Кокетка — это особа, которая много кривляется [*fait bien des mines*] и считает, что тем самым завоевывает все сердца, и стремится их завоевать. По-моему, это весьма глупое безрассудство»²⁰. Возможно, что сочетание назидательной интонации с коллоквиализмами и внушило Феро идею «жеманного стиля», хотя речь Генриетты скорее призвана создавать впечатление прямоты и простодушия. В любом случае, аббат не вполне прав: словосочетание «*bien bête*» встречается во французском языке уже в XVII веке; ко второй половине следующего столетия оно прочно входит в устную речь²¹.

Если верить запискам принца де Линя, это было одно из любимых словечек Вольтера²². Действительно, оно фигурирует в известном

¹⁹ Dictionnaire critique de la langue française par M. l'abbé Féraud: dédié à Monseigneur de Boisgelin, archevêque d'Aix, etc. l'un des quarante de l'Académie française, etc. Marseille: Jean Moissy, 1787. T. I. P. 276—277.

²⁰ Théâtre à l'Usage des Jeunes Personnes. Paris: M. Lambert & F.J. Baudouin, 1780. T. II. P. 250. Интересно, что выражение это встречается в текстах госпожи де Жанлис довольно часто, и всегда в женской речи, что дополнительно объясняет, почему аббату Феро припоминается «прециозный» стиль.

²¹ Показательно, что оно часто встречается в театральных пьесах, т.е. опять-таки в той части словесности, которая балансирует на грани между устным и литературным узусом.

²² Lettres et pensées du maréchal Prince de Ligne, publiées par Mme la baronne de Staël. Paris: Paschoud, 1809. P. 324. Обратим внимание, что в характеристике Вольтера

письме к Екатерине II от 16 декабря 1774 года о «маркизе Пугачеве»²³. Но сам же де Линь цитирует и полученное Вольтером письмо некоего шевалье де Лилля, начинавшееся фразой: «Il faut que vous soyez bien bête, Monsieur, etc.» [По-видимому, сударь, вы весьма глупы], и вызывавшее у фернейского философа пароксизмы смеха²⁴. В своих воспоминаниях госпожа д'Эпине вкладывает это словосочетание в уста Сен-Ламбера: «Si la nature est bien éclairée, elle est quelquefois bien bête» [Ежели природа и просвещена, то порой она весьма глупа]²⁵. Это позволяет осторожно предположить, что оно было в ходу в соответствующих литературно-философских кругах, где поиск «глупости» имел принципиальный характер, хотя, как показывает пример де Лилля, не являлось их исключительной принадлежностью.

Преобразование существительного «bête» в прилагательное / наречие и его навязчивое употребление в повседневной речи, вероятно, способствовало возникновению ряда поговорок, построенных сперва на каламбуре (скажем, «bête comme une oie» [глуп(а), как гусыня]), а затем на сравнении. Некоторые из них были ситуативными: например, выражение «bête comme un danseur / une danseuse» [глупа, как танцовщик / танцовщица] очевидно имеет городской и околотеатральный характер²⁶. Другие — региональными, подобно интересовавшему нас выражению «глупо, как луна». Последнее обстоятельство, парадоксальным образом, повышает вероятность его попадания в Россию в 1770—1780-е годы, когда среди французских учителей, искавших заработка в далеких краях, преобладали не только люди непедagogических профессий (любимый предмет сатирических обличений), но и выходцы из провинций. Так, по свидетельству шевалье де Корберона, в 1776 году часть петербургского общества говорила с сильным

слово «bêtise» становится ключевым: «Il rioit d'une bêtise imprévue, d'un misérable jeu de mots, et se permettoit aussi quelque bêtise» [Он хохотал над неожиданной глупостью, над дурной игрой слов, и сам позволял себе глупости]. Там же. P. 327.

²³ «Il faut que le divan soit bien bête pour ne lui avoir pas envoyé quelque argent [со стороны Дивана будет большой глупостью не послать ему денег]». *Œuvres complètes de Voltaire. T.LVIII: Correspondance avec l'Impératrice de Russie*. Paris: A.-A. Renouard, 1821. P. 255.

²⁴ *Lettres et pensées du maréchal Prince de Ligne*. P. 327. Сам де Линь дважды обыгрывает эту шутку в письме к Вольтеру: *Nouveau recueil de lettres du Feld-Maréchal Prince de Ligne, en réponse à celles qu'on lui a écrites. Première partie*. Weimar: Au Bureau d'Industrie, 1812. P.47, 53.

²⁵ *Mémoires et correspondance de madame d'Épinay, où elle donne des détails sur ses liaisons avec Duclos, J.-J. Rousseau, Grimm, Diderot, le Baron d'Holbach, Saint-Lambert, Mme d'Houdetot et autres personnages célèbres du dix-huitième siècle*. Troisième éd. Paris: Volland le jeune, 1818. T. III. P. 259.

²⁶ Его использование см., к примеру, в эссе «Малый бульварные театры» (Paris, ou le livre des cent-et-un. T. XIII. Paris: Ladvocat, 1833. P. 114).

гасконским акцентом²⁷, то есть значительное число гувернеров было из региона, входившего в ареал распространения поговорки.

Что касается словосочетания «bien bête», то к началу XIX столетия оно, по-видимому, несколько меняет свои коннотации. В 1770-е годы в нем сохранялся элемент каламбурности (приведенную выше реплику Сен-Ламбера можно было бы перевести и как «Ежели природа и просвещена, то порой она — совершеннейшее животное») и намеренного просторечия²⁸. Однако в 1800-х, если верить мемуарам герцогини д'Абрантес (опубл. в 1831—1835 гг.), оно уже обозначало границу между светской искусностью и неопытностью. Герцогиня вспоминает эпизод, относящийся к 1801 году, когда она впервые попала в Оперу на бал-маскарад. Чувствуя себя не вполне уверенно (в ту пору ей было семнадцать лет), она обратилась к знакомому с вопросом «Как поживаешь?», и в ответ услышала: «Voilà un masque bien bête!» [Что за глупая маска!]. Неожиданный комментарий относился к ее неспособности выйти за пределы конвенциональных разговорных форм, когда ситуация требовала раскованности и веселья. Мемуаристка продолжала:

Je ne puis dire ce que j'éprouvai dans ce moment. M'entendre appeler bête par quelqu'un que je voyais habituellement! cela me confondit à un tel point que je demeurai stupéfaite et comme un petit dieu Therme²⁹.

[Не могу выразить, что я ощутила в этот момент! Быть названной глупой человеком, которого я часто видела! меня это настолько смутило, что я осталась стоять столбом, как божок терм.]

Иными словами, выражение «bien bête» маркировало допустимую в хорошем обществе степень пренебрежения, не достаточно оскорбительную, чтобы приводить к серьезным последствиям, но, безусловно, в высшей степени обидную. Косвенно это подтверждает более поздний рассказ Бульвер-Литтона «Мир как он есть» (1831), где молодой,

²⁷ Запись от 2 октября 1776 г. Речь идет о любительском спектакле, в котором он участвовал (Un diplomate français à la cour de Catherine II, 1775—1780. Journal intime du Chevalier de Corberon. Publié par L.-H. Labande. Paris: Librairie Plon, 1901. Т. II. P. 2).

²⁸ В этом смысле свойственное Фонвизину и его героям злоупотребление словами «скот», «скотина», «животное» и проч., возможно, имеет не только русские корни, но отчасти воспроизводит чужую языковую тенденцию. Учитывая, что в августе 1777 — октябре 1778 гг. писатель путешествовал по Франции, модный речевой тик мог быть им отмечен и дополнительно семантизирован как своеобразная самооценка нелюбимой им нации.

²⁹ Mémoires de Madame la duchesse d'Abrantès: ou souvenirs historiques sur Napoléon, la révolution, le directoire, le consulat, l'empire et la restauration. Paris: Ladvocat, 1832. Т. V. P. 61—62.

простодушный герой случайно подслушивает разговор между своими светскими друзьями:

Ah! poor young man! he is certainly *bien bête*, with his fine phrases and so forth: but 'tis a good creature on the whole, and exceedingly useful!³⁰

[Бедный юноша! он безусловно *bien bête* со своими прекрасными фразами и проч., но в общем-то доброе создание и чрезвычайно полезное!]

Опять-таки, в качестве признака «глупости» тут выступает юношеская восторженность: она мешает герою увидеть, что им манипулирует лучший друг, барышня, за которой он ухаживает, и ее мать — светская дама, которой и принадлежит процитированная оценка.

Рассказ Бульвер-Литтона указывает на важную для нас тенденцию: выражение «*bien bête*» попадает в набор галлицизмов, не требующих объяснения и являющихся условными знаками владения французским. Оно легко включается в иноязычную речь, сохраняя свойственные ему социокультурные коннотации, которые, собственно, и препятствуют его переводу³¹. Напротив, в ситуации калькирования, когда на первый план выходит прямое значение, его смысл затемняется, как это, по-видимому, происходит в «Евгении Онегине». Речь главного героя (повтор одной и той же характеристики) имитирует банальный для французского контекста языковой тик — свойственное светскому человеку начала XIX столетия злоупотребление словом «*bête*». Однако его русский аналог («глупый / глупая») стилистически и функционально ближе к французскому узусу 1770-х годов, из-за чего реплики Онегина звучат более резко, чем если бы разговор велся по-французски. Происходит своеобразное коммуникативное раздвоение: ситуативно суждения Онегина соответствуют той модели светской пренебрежительности, которая представлена в мемуарах герцогини д'Абрантес и в рассказе Бульвер-Литтона. Но при переводе на русский они отчасти архаизируются, приобретая несвойственную «карманному лексикону» глубину, отсылающую к языковым привычкам французских философов.

³⁰ The New Monthly Magazine and Literary Journal. T. XXXII. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1831. P. 423. Рассказ этот неоднократно перепечатывался различными британскими журналами 1830-х гг.

³¹ Другие примеры аналогичного использования выражения «*bien bête*» в английском контексте относятся к более позднему времени, но, заметим, сохраняют интересующий нас оттенок. См., например: «Your gros milor, is very often *bien bête* — he is very often rude, savage, forget his manners, and all dat» [Твой толстый милорд часто *bien bête* — он часто груб, необщителен, забывает о манерах, и проч.]. *Lever Ch. The Daltons, or, Three Roads in Life*. Leipzig: Bernh. Tauchnitz Jun., 1852. T. I. P. 249.

**РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ
РАЗГОВОРНИК,
ИЛИ / OU
LES CAUSERIES
DU 7 SEPTEMBRE**

Сборник статей в честь
Веры Аркадьевны Мильчиной

Москва
Новое литературное обозрение
2015